УДК 172:316.344.42

Кузьменков В.А.,
Государственный университет — учебно-научно-производственный комплекс;
аспирант, ассистент кафедры социология, культурология и политология
(Российская Федерация, Орел)

Ценность эксклюзивности как фактор приватизации социально-политического пространства в современной России

В статье предлагается понятие ценности эксклюзивности как детерминанты социально-политических отношений в современном российском обществе. Эксклюзивность рассматривается как фактор формирования ренто-ориентированного поведения в среде элитарных групп, строго ограничивающих доступ к институтам общественной интеграции рядовым гражданам. Данный феномен можно назвать «приватизацией социально-политического пространства», поскольку легальные общественные институты служат интересам частных лиц и не способствуют удовлетворению общественных потребностей.

Ключевые слова: приватизация, рента, социально-политическое пространство, ценности, эксклюзивность, элита.

Основной целью, доминирующей в современном обществе, является стремление к эксклюзивности. Признавая глобализационный характер эксклюзивности, существование её как органического элемента современной западной культуры, философ Ю.А. Мелков [7, с. 184] утверждает, что эксклюзивность, а не качество становится трендом современности. Проявлением постматериалистической интенции массового сознания, формирующей не столько культ потребительства (это относится к материалистическому прошлому), сколько запрос на статусность и успешность, выступает то, что социальные субъекты стремятся характеризоваться уникальными чертами. Индивидуализация и либерализация привели к пониманию человека как отдельного социального субъекта, признали его право на самостоятельность и уникальность. Ценности успеха и социального признания вошли в ядро аксиологической структуры современного человека, сформировался, выражаясь языком постструктурализма, код сигнификации [3, с.

119], императивно предписывающий индивиду стандарты «правильного» и успешного поведения. Сегодня человек должен быть эксклюзивен, чтобы быть «полноценным» социальным субъектом. Ценность эксклюзивности уходит корнями в западные постматериалистические установки сознания и в целом выступает как инородное, но широко распространённое явление в России. Спецификой её реализации в современной России выступает интенциональная направленность на материальное, т. е. на приобретение сугубо материальных благ без умножения духовных ценностей. Иначе говоря, эксклюзивность базируется не на стремлении к более высокому уровню образования или повышению профессионализма, а к показному потреблению, т. е. сознание россиян не прошло все этапы эволюции от традиционалистской системы ценностей к постматериалистической и несёт в себе груз архаичных идеалов.

Эксклюзивность прямо коррелирована с установкой на достижение высокого социального статуса, что, несомненно, выступает как антидемократическое явление. Так, например, возникают элитаристские практики, мотивирующие индивидов на карьеризм, проявляющийся в накоплении социального капитала и приобретении гратификаций. Разумеется, в самом процессе приобретения общественных преференций нет ничего деструктивного, однако сегодня происходит подмена понятий: целью становится само стяжание привилегий и извлечение из них прибылей, а не реализация накопленных ресурсов в общих интересах. Формируется крайний потребительский индивидуализм, при котором объектом потребления становятся ренты.

Право извлекать ренту из определённых общественных отношений получило название «монополия на дефицит». Дефицитом в данном смысле выступает любой ресурс, в котором общество испытывает нужду. Модернизированное общество с доминирующей либеральной идеей, как правило испытывает стабильный небольшой дефицит интеллектуальных ресурсов, инноваций и творческих предложений. Общество с доминированием традиционализма в социально-политических отношениях, как в России, сталкивается с тотальным дефицитом натуральных продуктов, средств производства, капиталов, квалификации и т. д. Причиной этого выступает большое несоответствие между ростом потребностей общества и развитием массового производства, т. е. способностью удовлетворять данные потребности. Несоответствие порождается ростом числа социальных субъектов, преследующих собственные локальные цели, выработанные на базе локальных ценностей. Ценность общественного согласия не конституирована, что вызывает жёсткую конкуренцию за монополию между социальными группами.

Поскольку общественный прогресс в России приводит к увеличению числа общественных групп без роста их качественного (в первую очередь профессионального) разнообразия и чёткого определения сферы ответственности, ситуация дефицита усугубляется по мере развития экономического прогресса. Каждая общность стремится занять привилегированное положение, увеличить свои ресурсы (ренты) за счёт другой. В результате превалирования в обществе материальных ценностей (тот же утилитаризм ставит их в приоритет) духовное развитие отодвигается на задний план. Гонка за дефицитом —

это количественный, но не качественный процесс, его следствием является недоразвитость общественных сфер, требующих приложения интеллектуальных ресурсов. В этой связи не удивительно, что относительная социально-экономическая стабильность в России 2000-х гг. сопровождалась деградацией в сферах образования и медицины, промышленности и высоких технологий.

Особый смысл в этом процессе приобретает понятие «монополия» — состояние, при котором отдельная группа при отсутствии здоровой конкуренции сохраняет свои уникальные общественные функции и отбивает атаки на свои ренты со стороны иных групп. Основополагающими механизмами монополии выступают обычаи, законы, экспертное знание, квалификация и отсутствие альтернативных путей для исполнения данных функций [2, с. 284]. Важнейшим условием сохранения и укрепления монополий выступает локализм, выдвигающий принцип сохранения культурного богатства общества и программы своей жизнедеятельности. Монополизированные ресурсы служат источником власти социальной группы, причём если государству не удаётся инкорпорировать группу в своё тело и заменить локальные ценности социально-политическими (как правило, в России так и происходит), то группа приобретает огромный политический и экономический вес. Например, главы регионов-доноров в Российской Федерации имеют определённое влияние на федеральный центр в силу распоряжения значительными ресурсами. Государство, отдавая отдельные ресурсы элитарным группам, сохраняет за собой наиболее важные монополии: сбор и распределение налогов, армию, право на применение силы и пр.

Также держатели монополии на дефицит могут выступать как аттракторы экономической деятельности и способствовать формированию элитарного рынка. Он существует в многообразных формах: от магазинов «для богатых» до торга депутатскими мандатами и должностями чиновников. Сам по себе элитарный рынок вреден для общества своей непрозрачностью, коррупциогенностью и т. д., однако вдвойне опасно, когда он формируется в ущерб массовому рынку, ведь при этом наблюдается ситуация эксклюзии социальных страт. Ярко выраженный и деструктивный элитарный рынок конституировался в России в 1990-е гг. в условиях тотальной пауперизации населения как раз на основе принципа исключения малоимущих слоёв; экономическая стабилизация начала века восстановила массовый рынок, однако его социальные основания крайне непрочны. При слабом государстве отдельные группы способны увеличивать свою монополию и, соответственно, свои ренты практически бесконтрольно.

Сущность проблемы российского массового рынка состоит в том, что в советское время произошёл отрыв большей части россиян от натурального хозяйства, длительное время их жизнеобеспечение поддерживалось распределением материальных благ, в 1990-е гг. эта система рухнула и была частично восстановлена в 2000-е, однако перехода к рынку и формированию самостоятельных хозяйствующих субъектов так и не произошло. Одной из причин этого было как раз нежелание элитарных групп делиться дефицитом с представителями низших слоёв. Таким образом, «мы сначала произвели этот отрыв от естественной базы потребления, а теперь, вися в воздухе, пытаемся восстановить то ли

хозяйства первобытных земледельцев, то ли самые передовые в мире очаги производства» [1, с. 696—697].

На наш взгляд, важнейшей особенностью социально-политических отношений в современной России выступает их детерминация ценностью эксклюзивности. Войдя в аксиологическую структуру, данная ценность вступила в реакцию со сложившейся практикой монополий на дефицит, тем самым породив жёсткую конкуренцию и гонку за рентами. Если в СССР существовал, во-первых, партийно-государственный, во-вторых, идеологический контроль за деятельностью держателей дефицита, то в современной России он крайне слаб во многом из-за того, что государство было создано элитарными группами. Они озабочены умножением собственных рент и потому не склонны к консенсусу, интеграции и поиску вариантов решения социальных проблем. В этом смысле их поведение рационально, т. к. может быть калькулировано, предсказано, подвергнуто контролю и рассчитана эффективность деятельности. Но это поведение порождает иррациональные последствия, например, содержание за счёт потребителей и госбюджета нерентабельных отраслей производства; финансирование национальных проектов; поддержание госкорпораций и т. д. При этом сами по себе данные программы и организации выступают репрезентациями эксклюзивности как во внутренней, так и во внешней политике.

Гонка за эксклюзивность приобретает настолько опасные черты, что можно говорить о формировании иррациональной рациональности (например, коммерциализация социальной сферы; дегуманизация образования и медицины; распространение социальных мифов; разрушение природной среды; культ личности отдельного политика) в масштабах всего общества. Сами элитарные группы оказываются настолько сильно вовлечены в гонку за эксклюзивностью, что обществу грозит тотальный коллапс — деградация общественных отношений, примитивизация потребностей личности и истощение ресурсов. Теоретически элита способна оградить себя от последствий принятых ими самими решений, но не абсолютно и только в краткосрочном промежутке. В целом это обостряет проблему, известную как «трагедия общин» [4, с. 597—601]: поскольку нет стандартов социально ответственного поведения и ценности согласия, каждый держатель монополии на дефицит стремится увеличить свои выгоды и усиливает давление на других держателей. В итоге либо истощатся ресурсы и общество прекратит своё существование, либо под натиском внутренней конкуренции рухнет система общества и начнётся конституирование нового социетального порядка. Таким образом, эксклюзивность выступает как один из факторов дестабилизации социально-политической системы в целом.

Максимизация рент возможна с привлечением столь мощного ресурса, как власть, поэтому ренто-ориентированное поведение приобретает политическую окраску, извлечение прибылей наиболее просто осуществить, будучи представителем общественной элиты. Как показывает исследование Е.Н. Минченко, правящий слой, во-первых, разделён на ряд кланов, в острой конкурентной борьбе защищающих свои ренты, во-вторых, он представляет собой симбиоз олигархических империй, финансистов, промышленников, бюрократов, «силовиков» и т. д., что позволяет определить во многом роковой диагноз — полити-

ческие, экономические и социальные интересы сегодня не дифференцированы и не представлены в деятельности властных групп[8].

Привилегированное положение формирует определённое клановое сознание, качественно отличающее титульные сословия от иных общественных групп, лишённых «классового сознания». Оно прежде всего предписывает хранить верность своему клану, а не конкретному институту, что означает деструкцию рационально-легальных связей между социально-политическими субъектами. Как отмечает американский антрополог Д.Р. Уэдел, «в государстве-клане отдельные кланы, каждый из которых контролирует собственность и ресурсы, так тесно идентифицируются с конкретными министерствами или институциональными сегментами правительства, что их цели и деятельность порой кажутся идентичными» [10, с. 480]. Элитарные группы оказываются единственными социальными силами с чётко очерченными наборами ценностей, саморефлексией и фиксированными статусными позициями. По мнению Н.И. Лапина, «единственным субъектом, побудителем и направляющей силой развития является здесь верховная власть, будь то государство в лице бюрократии, номенклатура, партийные комитеты или верховный правитель. Остальные члены общества представляют собой аморфную, пластичную массу, которая лишена свободы выбора своей линии экономического, политического, духовного поведения и самовыражения... Если лишь элитный слой населения обладает возможностями быть субъектом социального действия, а остальная — основная — масса не имеет стимулов к такой активности, то социальная структура подобного типа становится помехой общественному развитию, и такое общество обречено на стагнацию» [6, с. 82, 84]. На наш взгляд, в основе общественного поведения представителей титульных сословий лежат в значительной мере ценностно-рациональные, а не только целерациональные действия, что усиливает аксиологическую детерминацию поведения индивидов.

В российском обществе социальный вопрос становится немодным, недостойным внимания власти. Не случайно у её представителей так часто проскальзывает презрительное слово «социалка», отражающее необходимость секвестирования социальных расходов государства. Однако, как нам представляется, в реальности эта бюджетная политика выступает только проявлением гораздо более общего и глубинного процесса.

Целью деятельности элитарных групп выступает, как уже говорилось, максимизация рент и рост эксклюзивности. Это происходит в результате процесса, который философ Ю.А. Мелков назвал «приватизацией социального пространства» (или просто «приватизацией социального») [7, с. 187]. Сущность данной приватизации состоит в присвоении привилегированным слоём всех возможных общественных рент и отчуждении от них более низких по статусу сословий. На наш взгляд, более точным будет говорить о «приватизации социально-политического пространства». Во-первых, «социальное» и «политическое» друг с другом тесно связаны. Во-вторых, контроль над социальной сферой возможен только при обретении властных функций. Приватизация социально-политического пространства имеет глубокие философские основания, хотя обычно и не вполне верно связывается с экономическими

процессами 1990-х гг. Точнее будет сказать, что экономическая приватизация выступила наиболее ярким проявлением более крупной приватизации, её частным случаем.

Сущность общественных отношений современной России состоит в поиске, «отмывании» и умножении ренты. Социальные обязательства государства в значительной мере игнорируются, многообразие социальных отношений заменяется их политизированным суррогатом, общественные организации берутся под контроль, индивид беспомощен перед лицом правительственных (фактически — клановых) институтов. Можно говорить об отсутствии общества как самостоятельной от государства организации: когда распределение собственности и статусов в социуме происходит на основании приближения к власти, грань между социальным и политическим (властным) размывается и второе «расползается» по всему обществу. Иначе говоря, доступ к политической власти становится главным критерием выстраивания социальной структуры и диспозиции отношений. Однако данное «политическое» не ограничено только одной узкой сферой — оно становится всеобщим, включая в себя не только «социальное», но также «экономическое» (как метод ведения хозяйства и извлечения прибылей) и «культурное» (как способ подачи определённых ценностей, норм и стандартов поведения).

В России социально-политическое пространство приватизируется частными субъектами. Немецкий философ Ю. Хабермас называет это процессом «рефеодализации общественной сферы», который заключается в обретении частными интересами непосредственных политических функций: крупные корпорации, как национальные, так и транснациональные, начинают постепенно контролировать через СМИ общественную сферу и государство [Цит. по: 7, с. 187]. Последнее же выступает всё более активным актором частной сферы, размывая границы частного и общественного, превращая граждан в потребителей. Общественные организации, например профсоюзы, защищают и лоббируют интересы не общественных групп, а частного капитала и отдельных лиц, преследующих собственную выгоду. Так, например, партии превращаются в картельные структуры, заинтересованные в сохранении сложившегося порядка[5]. Институциональные каналы выражения мнений оказываются неэффективными и даже опасными, способствуя сохранению и приумножению текущего положения дел.

Механизм приватизации социально-политического пространства заключается в практике эксклюзии социальных слоёв — они отчуждаются от пользования общественными институтами интеграции, теряют доступ к каналам вертикальной мобильности, лишаются гратификаций и привилегий. Социальное существование представителей неэлитарных групп становится только их личным делом, власть самоустраняется из этого процесса. Институты в таком обществе должны выполнять роль не включения индивида в общество, а, напротив, ограничения его социальных интеракций. Функционирование институтов осуществляется так, как считается «справедливым» верховной властью, поскольку они служат, во-первых, методом закрепления сословного неравенства, во-вторых, способом сбора рент с населения. Ярко это проявляется на примере институтов образования, науки и медицины, выступающих объектами приватизации.

Происходит целенаправленное понижение образовательного уровня более низких по своей социальной позиции слоёв, т. к. по принципу социальной справедливости им не положено иметь больший объём знаний, чем имеется у элиты. Однако существует ещё один аспект, касающийся, впрочем, всего человечества в целом. Распространение социальных сетей и вообще интернетизация жизни современного человека — метод насаждения необразованности и узкого социального опыта. Сегодня круг коммуникаций зачастую замкнут на равных по статусу индивидах. Образование становится монополией небольшой части элиты — даже не всей элиты в целом, а лишь тех субъектов, которые берут на себя управленческие функции. Образование избранных легитимизируется необразованностью рядовых граждан. И дело совсем не в том, насколько представление о грамотности соответствует научным нормам (математическим, филологическим и пр.), а в том, что представители низших сословий не могут надеяться на признание своей грамотности именно в силу своего приниженного положения, даже если их действительно можно считать образованными.

Таким образом массы людей исключаются из социальной активности в силу собственной дезинтегрированности — отсутствует институт, способный взять на себя подобные функции. В первую очередь речь идёт о государстве, переставшем быть конституентом общественной жизни.

По сравнению с советским временем стал остро ощущаться «дефицит» государства. Если раньше своей патерналистской опекой оно гарантировало каждому гражданину некий минимум социальных благ, то сегодня государство оказалось поглощено частными корпорациями, не видящими большую часть населения страны в структуре своих интересов. Проще говоря, они в населении практически не нуждаются, ведь приватизации подвергаются не только банки, заводы или вузы, но также объекты «национального достояния» — месторождения природных ископаемых, культурные и спортивные учреждения, историческое наследие, вплоть до приватизации территорий земли, акваторий рек и озёр. Социальные обязательства висят тяжким грузом на власти не потому, что у неё наблюдается дефицит бюджета — данный дефицит не мешает ей вкладывать сотни миллиардов рублей в армию, полицию и бюрократию, — а потому, что в структуре аксиологического ядра представителей элитных групп места для ценностей «человек» или «народ» не находится. Иными словами, элитарные группы ставят себя над обществом или, что то же самое, генерируют собственное социальное пространство «без бедных».

Как отмечает философ В.Г. Федотова, «если же государство уклоняется от помощи, то система социальных связей и безопасности рушится и население переходит к самопомощи за пределами социальных связей. Такая самопомощь и есть анархия. Её конечный результат — примитивная адаптация... Это типично анархическое состояние, когда социальные связи разрушены и не образуются вновь» [9, с. 101]. Образуется двухуровневая система устройства общества: корпоративно-олигархический уровень, встроенный в глобальную транснациональную мировую экономику с высоким уровнем потребления («Россия для богатых»), и национальный ярус, включающий распадающиеся социальные сети и увядающие элементы государственного устройства («Россия для бедных»).

Следует также иметь ввиду, что приватизация социального пространства происходит в целом на бесконкурентной основе. Присвоение советской собственности, имевшее место в 1990-е гг., велось без соблюдения рыночных принципов открытости и конкурентности, т. е. между заранее определёнными субъектами. Аналогичные процессы происходят и сегодня, рыночный торг заменяется элитным картельным сговором, цель которого одна — не нарушить сложившееся равновесие Нэша («не раскачать лодку»), с целью избегания краха всей корпоративно-клановой системы.

References

1. Ahiezer A.S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta (sociokul'turnaja dinamika Rossii). Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998. T. 1. Ot proshlogo k budushhem, 804 p. (In Russ.)

2. Ahiezer A.S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta (sociokul'turnaja dinamika Rossii). Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998. T. 2. Teorija i metodologija. Slovar', 600 p. (In Russ.)

3. Bodrijjar Zh. Amerika. SPb.: Vladimir Dal', 2000, 206 p. (In Russ.)

4. Dajmond D. Kollaps: kak i pochemu odni obshhestvo prihodjat k procvetaniju, a drugie — k gibeli. M.: Astrel', CORPUS, 2012, 800 p. (In Russ.)

5. Kac R. S., Majr P. Kartel'naja partija: peresmotr koncepcii, Prognozis. 2009, № 3—4, p.p. 169—194. (In Russ.)

6. Lapin N.I., Beljaeva L.A., Naumova N.F., Zdravomyslov A.G. Dinamika cennostej naselenija reformiruemoj Rossii. M.: URSS, 1996, 224 p. (In Russ.)

7. Melkov Ju. Postsovetskoe obshhestvo: Novoe Srednevekov'e // Sociologija: teorija, metody, marketing, 2008, № 3, p.p. 183—193. (In Russ.)

8. Minchenko E.N. Bol'shoe pravitel'stvo Vladimira Putina i «Politbjuro 2.0» [Jelektronnyj resurs] // [sajt]. [2012]. URL: http://www.minchenko.ru/analitika/analitika_27.html (data obrashhenija: 21.08.2012)

9. Fedotova V.G. Horoshee obshhestvo. M.: Progress-Tradicija, 2005, 544 p. (In Russ.)

10. Wedel J. R. Rigging the US-Russian Relationship: Harvard, Chubais, and the Transidentity Game. Demokratizatsiya. 1999. vol. 7, № 4, p.p. 469—500. (In Russ.)

[1] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. — 804 с.

[2] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. Теория и методология. Словарь. — 600 с.

[3] Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000. — 206 с.

[4] Даймонд Д. Коллапс: как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие — к гибели. — М.: Астрель, CORPUS, 2012. — 800 с.

[5] Кац Р. С., Майр П. Картельная партия: пересмотр концепции // Прогнозис. — 2009. — № 3—4. — С. 169—194.

[6] Лапин Н.И., Беляева Л.А., Наумова Н.Ф., Здравомыслов А.Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. — М.: УРСС, 1996. — 224 с.

[7] Мелков Ю. Постсоветское общество: Новое Средневековье // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 3. — С. 183—193.

[8] Минченко Е.Н. Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0» [Электронный ресурс] // [сайт]. [2012]. URL: http://www.minchenko.ru/analitika/analitika_27.html (дата обращения: 21.08.2012)

[9] Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

[10] Wedel J. R. Rigging the US-Russian Relationship: Harvard, Chubais, and the Transidentity Game. Demokratizatsiya. 1999. Vol. 7. № 4. 469–500 p.

Kuzmenkov V.A. – Postgraduate and Lecturer of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political Science, State University – Educational Scientific Production Complex, Orel, Russian Federation, e-mail: kuzmenkov-vladim@mail.ru

VALUE OF EXCLUSIVITY AS A FACTOR IN THE PRIVATIZATION OF SOCIAL AND POLITICAL SPACE IN MODERN RUSSIA

The paper proposes the concept of the value of exclusivity as a determinant of social and political relations in the modern Russian society. Exclusivity is considered as a factor in the formation of rent-seeking behavior among the elite groups, severely restricting access to institutions of social integration to ordinary citizens. This phenomenon can be called "privatization of the social and political space", since legitimate public institutions serve the interests of the individual and do not contribute to the satisfaction of social needs.

Keywords: privatization, rent, socio-political space, value, exclusivity, elite.